

Фаресов Анатолий Иванович

**Мужики и начальство:
Очерки и рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Иванович Ф.**
Мужики и начальство: Очерки и рассказы / Фаресов Анатолий Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 288 с.

ISBN 978-5-519-78675-1

ISBN 978-5-519-78675-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Типы старого — обязательны. Они нужны для сравненія. Мои «Озорники» — «деревенскіе хулиганы» — суть представители отживающихъ началъ русской деревни. Они являются показателями того паденія, до котораго доведенъ народъ «властью тьмы», нищетой и правительственнымъ неумѣньемъ воспитать этотъ народъ гражданиномъ.

Съ дарованіемъ 17 октября 1905 г. тому же народу политическихъ правъ, въ немъ разомъ проснулось человѣческое достоинство и сознаніе классоваго идеала, — свидѣтельство жизнеспособности народныхъ массъ...

Сотрудникъ «Историческаго Вѣстника», нѣкто Н. Н. Оглоблинъ въ апрѣльской книжкѣ текущаго года совершенно вѣрно изображаетъ пробужденіе народа. Онъ пишетъ: «И непонятные «манифесты», манящіе чѣмъ-то хорошимъ, желаннымъ, и тревожныя извѣстія о повсемѣстныхъ смутахъ, и появившіеся всюду «листки» съ смѣлыми и грозными рѣчами, зовущими однихъ куда-то въ заманчивую даль, а другихъ къ отвѣту, и откровенныя рѣчи «ораторовъ» на открывшихся вдругъ свободныхъ сходкахъ — все это произвело опелемляющее впечатлѣніе на мирно дремавшихъ доселѣ крестьянъ... Потомъ, когда первый угаръ прошелъ,

крестьяне живо ориентировались по-своему въ хаосъ новыхъ идей и выудили оттуда только то, что съ незапамятныхъ временъ лелѣялось въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ народной души. Мозги народа, вѣками работавшіе волею-неволею въ одной узкой области практическихъ, шкурныхъ интересовъ, именно сюда устремились и теперь, на зарѣ новой жизни... Всѣхъ одинаково обуяла жажда «землицы» — исконная жажда русскаго и всякаго крестьянства. Всѣ помыслы сюда устремились, и въ осуществленіи ихъ видѣли единственный смыслъ новыхъ вѣяній. И такой желанный выводъ получался не только изъ рѣчей «ораторовъ» на сходкахъ, или изъ прокламаций крайнихъ и разной нелегальной литературы, распространенной у насъ, какъ и вездѣ въ фабричныхъ мѣстностяхъ. Все это было доступно далеко не всѣмъ крестьянамъ. Но то, что требовалось имъ, чего они жаждали, къ чему стремились, — все это нашли они въ опубликованныхъ правительственныхъ актахъ — манифестахъ, указахъ и проч. Въ этихъ случаяхъ они — удивительные мастера «читать между строкъ» и вездѣ находятъ именно и только то, что имъ желательно...»

Изобразивъ вполне безпристрастно историческій моментъ въ жизни нашихъ крестьянъ, тотъ же странный писатель находитъ въ классовыхъ стремленіяхъ крестьянъ — отрицаніе суда, земства, школъ, культуры, общественности и возвращеніе народа ко временамъ скифовъ и сарматовъ...

Онъ восклицаетъ: «Къ такому антигосударственному и антикультурному выводу приходитъ народъ, прожившій болѣе 1000 лѣтъ какъ-никакъ, а все-таки

въ формахъ государственной жизни, и даже проявившій немалую прикосновенность къ міровой культурѣ!.. И пусть «лутчіе люди» этого народа идутъ не только рядомъ, но часто и впереди нашей интеллигенціи, служа одному идеалу культуры и общественности,— тутъ мало утѣшительнаго, когда миллионы народныхъ массъ не идутъ за своими вождями, предпочитая превращеніе въ дикія орды первонаселенниковъ земли, которыя сметутъ всю нашу еще такую скромную культуру...»

Эти разсужденія о разложеніи русской націи въ современномъ ей движеніи—ничѣмъ не обоснованы и представляютъ собою обычный обывательскій взглядъ на научную тему.

Съ поднятіемъ крестьянскаго благополучія и отвлеченія значительныхъ денегъ книзу, прогрессъ, до сихъ поръ монополизированный передовыми сословіями, конечно въ концѣ-концовъ, съ притокомъ новыхъ силъ и людей, станетъ болѣе могучимъ. Во всякомъ случаѣ, русскій народъ не хочетъ болѣе чуждаться его и намѣренъ играть въ немъ активную роль. Въ свое время рѣдко кричали о гибели націй, когда по всей Европѣ у «первонаселенниковъ земли» экспроприровалась земля и, на мѣстѣ деревень, возникали мануфактуры, фабрики, протекціонныя, колониальныя и меркантильныя политики, съ государственнымъ абсолютизмомъ и капиталистическимъ способомъ производства богатствъ... Почему же теперь въ Россіи исторія будетъ хуже и пагубнѣе, если къ цивилизаціи страны примкнутъ не одни передовыя сословія, но и крестьяне, и фабричныя. Почему ихъ интересы хуже интересовъ другихъ классовъ и почему они не имѣютъ

основаній стремиться къ своимъ классовымъ идеаламъ, какъ и прочія сословія?

Съ учрежденіемъ Государственной Думы возникаетъ возможность дебатировать о классовыхъ противорѣчіяхъ въ странѣ и рѣшать о преимуществахъ однихъ надъ другими большинствомъ голосовъ. Въ Европѣ давно этимъ путемъ идетъ классовая борьба, и никто не говоритъ о ней, какъ о разрушеніи культуры и цивилизаціи.

Въ очеркахъ «Новыя настроенія современной деревни» я старался изобразить современнаго мужика «передъ возрожденіемъ» его къ лучшему будущему въ тѣхъ живыхъ рѣчахъ и событіяхъ, которыя мнѣ пришлось слышать и наблюдать въ Псковской губерніи.

Мнѣ было бы пріятнѣе думать, что деморализованный элементъ («Озорники» и др.) въ современной деревнѣ стоитъ изолированно отъ кореннаго населенія; что безработность его и хулиганство не находятся въ причинной связи съ народнымъ бытомъ. Но въ томъ-то и дѣло, что деревенское хулиганство втягиваетъ въ себя и жизнеспособную часть населенія, такъ какъ ничто другое не оттягиваетъ послѣднее въ другую сторону. Страшны «Озорники» не сами по себѣ, а тѣмъ, что они открыто ходятъ по деревнямъ и не возмущаютъ собою совѣсть молодого подрастающаго поколѣнія; тѣмъ, что «кавказскіе нравы» не встрѣчаютъ препятствій къ распространенію. Страшны не пьяницы, а то, что идеаломъ радости у мужика является водка; страшны не міроѣды-кулаки, а кулачество, — то, что каждый мужикъ хотѣлъ бы сдѣлаться ростовщикомъ-барышникомъ... Въ этомъ смыслѣ я счи-

таю «Озорниковъ» показателями разложенія народнаго быта.

Съ дарованіемъ сверху народу голосованія и культурнаго его подъема снизу, я не сомнѣваюсь въ томъ, что деревенскіе «Озорники» будутъ стыдиться своихъ «гулянокъ»; водка перестанетъ играть первую роль на торжествахъ и дѣловыхъ собраніяхъ крестьянъ; идеаломъ мужика будетъ не «булыня», а другъ интеллигенціи... Будетъ чѣмъ и куда оттянуть народныя симпатіи отъ вымирающаго міра въ другую сторону.

Мы говоримъ о народномъ парламентѣ и самодѣтельности страны.

Въ настоящее время мы имѣемъ Государственную Думу съ преобладаніемъ «кадетовъ». Сторонники конституціонной демократіи не должны закрывать глаза на то, что если политическая свобода 17 октября минувшаго года взбудоражила почти мгновенно крестьянское и фабричное населеніе, выдвинула ихъ соціально-экономическія нужды, то и теперь это населеніе еще отзывчивѣе восприметъ благородныя попытки Государственной Думы осуществить неосуществленные «свободы».

Возникаетъ насущный вопросъ о томъ, будутъ ли «кадеты» напуганы соціально-экономическимъ идеаломъ народа вслѣдъ за дарованіемъ ему политическаго существованія и не позовутъ ли они войска противъ его требованій или они поймутъ прекрасно то, что конституція нужна не ради конституціи, а для скорѣйшаго осуществленія народнаго блага? Будущее исполнено великихъ задачъ и нравственнаго трагизма въ жизни партіи, принужденной у насъ впервые выработать мирный путь государственной

жизни. Но если на Западѣ за послѣдніе годы всѣ партіи добиваются осуществленія своихъ нуждъ исключительно избирательной борьбой и подсчетомъ голосовъ, то почему намъ отчаяваться въ томъ же при полномъ возрожденіи народа къ новой жизни?

Примѣч. автора.

Озорники.

I.

Деревня Федорыгино, въ Новоржевскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, населена старовѣрами...

— Старовѣрняги! Староворы! — говорятъ о ней «мірскіе».

Вслѣдствіе своей многочисленности, федорыгинцы давно находятся во враждѣ съ «мірянами», населяющими маленькія окружающія ихъ деревни. «Праздничныя» и ярмарки рѣдко проходятъ спокойно безъ федорыгинцевъ, гордящихся своей сплоченностью и силой. Зайдутъ они въ Жилино и вызывающе кричатъ:

— Два раза прошли по улицѣ и никто ни одного слова не сказалъ, а къ намъ въ Федорыгино и не показывайся никто изъ васъ въ «гулящій день».

— Ястребъ дюжѣй вороны, а летитъ отъ нихъ, когда онѣ навалятся на него, — крикнетъ въ сѣняхъ кто-нибудь изъ жилинскихъ и торопится запереть сѣни.

Выбьютъ федорыгинскіе ему стекла въ окнахъ, покопаютъ завалинку, кострику разворотятъ, но въ избу боятся совать голову...

— Назлилъ ты гораздъ насъ,—кричатъ они ему.— А можетъ быть и подогналъ кого-нибудь... Да для тебя у насъ гирька такъ приспособлена, чтобы какъ двинуть ею, такъ чтобы ты въ кольцо согнулся. Бойся насъ, какъ чортъ грома...

— Кабы ваша деревня была маленькая,—отвѣчаетъ храбрый жилинскій,—то скоро бы мы васъ осмирили.

— А коль ты махонькой, то не за дѣломъ ты и лѣзешь. Смолчалъ бы передъ нами. Не можетъ большой человѣкъ кориться малому. Мы въ лѣсъ идемъ впятеромъ и шестеромъ, а на ярмарку пятнадцать и двадцать человѣкъ. Мы и кулакомъ замучаемъ васъ. Зачѣмъ намъ и револьверы? Идемъ всегда въ соборѣ, а вы краемъ: съ которой деревни двое, а съ которой трое. Всѣхъ васъ порознь мы и обваливаемъ... Федорыгинскихъ не вините! У насъ все свояки да братья... Присягу принимаемъ, что на войнѣ, не измѣнять другъ дружкѣ. А у васъ въ Крутошкахъ, Жилинѣ и Булыгинѣ жихарей мало, а кориться не хотятъ. Захватятъ на ярмаркѣ федорыгинскаго старика и ну его мять и трепать «подъ волоски». Какъ же такъ? Это и простить? Намъ поддаваться не гоже... Сильный всегда правъ въ дракѣ, а слабый виноватъ. Деревня, гдѣ 3—5 жихарей, не дерись съ нами. У насъ парни, что кони, у васъ—меркота... Ходитъ эта меркота съ прошеніемъ на насъ, что вороны каркаютъ... Дразнятъ насъ языкомъ, что собаки медвѣдя. Ну, мы имъ наставимъ банки. Хоть размолись, а не уговорить насъ помириться или простить обиды.

Болѣзненно отзываются хвастливыя слова федорыгинскихъ въ сердцахъ булыгинскихъ и крутошкинскихъ крестьянъ.

— Теперь смотри,—говорилъ мой егеръ, Тимофей мошницкій,—какъ они пасутъ другъ друга. Съ малыхъ деревень парни купили револьверы. Боятся, какъ начнутся полевые работы, такъ и на ихъ полюсу придутъ федорыгинскіе и замучаютъ ихъ.

Федорыгинцы, однако, производятъ деревенскіе погромы большею частью во время ярмарокъ по погостамъ. Изъ церкви крестьянинъ прямо идетъ «за походомъ» къ «булынѣ» или въ кабакъ... Впрочемъ, и безъ водки всегда господствуетъ въ народѣ воинственное настроеніе другъ противъ дружки.

Завидя возбужденіе въ рядахъ прибывающей въ погостъ Марыни со всѣхъ сторонъ молодежи, торговцы въ такихъ случаяхъ спѣшатъ прекратить торговлю и разѣхаться. «Это не торговля, а война тутъ», — сердито говорятъ они между собой. Маленькій урядникъ тревожно совѣтуется съ сотскими, но голоса деревенской молодежи продолжаютъ шумѣть и оглашать воздухъ угрозами:

— Эти, что съ Крутошекъ, щелкнутъ нашего федорыгинскаго, да и бѣгутъ въ Марыни спасаться въ домъ чайнаго торговца...

— Первое спасеніе у чайника Василя Николаева.

— Побьемъ и ему окна камнями!

Точно по волшебству, посреди погоста появляется лошадь съ цѣлымъ возомъ каменьевъ; у проѣзжаго крестьянина разбирается возъ длинныхъ кольевъ. Вооруженная ватага федорыгинскихъ парней обложила чайную лавку, куда попрятались парни изъ деревень Крутошки, Жилино и Булыгино.

— Вы—что зайцы,—кричатъ имъ федорыгинскіе:—ногами живете... Что убѣжите—тѣмъ и живете. Обо-

ротистый народъ! Проворнѣй зайца: приляжетъ до самой земли, а прыжокъ сдѣлаетъ выше тебя.

— Идите себѣ домой,— пробуетъ усовѣстить ихъ урядникъ.— У васъ деревня большая... Васъ никто не обидитъ, а вы одолѣете всѣхъ... Ну и идите съ Богомъ. Никто не тронетъ васъ.

— Ты намъ не указывай,— возражаютъ болѣе возбужденные «лыцари».— Они съ револьверами, а мы кольями ихъ... У насъ силы хватить.

— Вашъ чортъ старше. Злой ругаться: ничью мать не пожалѣетъ.

— Хвастались, что федорыгинскіе не пойдутъ на ярмарку... А вотъ мы всѣ тутъ! — кричатъ они.— Биться хотѣли съ нами, а сами позапрятались!

— Что китайцы—сила у васъ большая!—раздается насмѣшливый голосъ со двора чайной лавки.

Урядникъ вновь совѣтуетъ федорыгинскимъ идти съ миромъ и бросить кольца, но въ окна чайной лавки уже летятъ камни и осыпаютъ стѣну дома.

Самъ Василій Николаевъ съ крыльца проситъ бунновъ разойтись и грозить имъ.

— А намъ ружья твои ни во что! У насъ въ артели есть товарищъ, который можетъ и ружье заговорить.

— Не нахрапствуйте! Не нахрапствуйте, озорники! Не лѣзьте въ домъ... Худо будетъ, ребята. Говорю вамъ, не озорничайте!

— Чего же ты прячешь непріятеля?

— Никого я не прячу, а дѣлать вамъ нечего у меня въ домѣ. Не нахрапствуйте!

Содержатель чайной и бакалейной лавки сдерживаетъ толпу однимъ родственнымъ имъ словомъ: «не